

СТАНИСЛАВ РАДКЕВИЧ

АВГУСТ-91

ДО И ПОСЛЕ

Станислав Радкевич

АВГУСТ-91

ДО И ПОСЛЕ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Станислав Радкевич 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-025-2

Содержание

ЛОМ

РАССКАЗЫ

Зеленый Ленин

Прощай, наблюдатель!

Охота на архипелаге

Секс и смерть

Четыре капитана

Главный вопрос жизни

Ненависть к отцу

Модель

Чахамби

Я

Водка

Шарик

Дауншифтер

Счастье

ЛОМ

1

– Тор-р-ропишься, сержант, – пророкотал генерал Щур. – Подожди тридцать секунд и попробуй еще.

Уазик взбрыкнул и зябко затрясся.

Заминка на старте – к добру или к худу? Загогулина сержантского носа, торчащая из-под рыжих бровей, была знакома Щуру. Водила уже где-то возил его, причем вот так же, по «южному варианту»: то ли в Тбилиси, то ли в Баку... А теперь? Это «теперь» болталось как дохлый ломтик луны в мути старой заварки. Но командир не наорал, и солдат не стушевался. Первую напасть худо-бедно одолели. Так что Бог не выдаст – свинья не съест.

В логово полка уазик влетел, как искра в цилиндр. Разом вздрогнуло, пыхнуло, дизели вызверелись, фары ударили крест-накрест... Но бессмысленный хаос на глазах образовывал эротику порядка. Рычащие БМД одна за другой наращивали походный строй, который твердо входил в вагину тульской улицы.

– ...Будет что по обстановке – радируй немедленно, комдив. А пока, Саша, помолчим от греха.

Щур вернул гарнитуру невидимому офицеру связи, сопевшему за спиной, подумал: «Закусываешь луком – запивай водкой». Но при сержантах – водителе и охраннике – негоже было чмырить лейтенанта или старлея – кто он там есть.

Щур покомпактнее сгруппировал петровские руки и ноги в узилище уазика и прикрыл глаза, хороня их от редких, но точных, как ночные очереди *духов*, встречных фар. Третьи сутки подряд начальство испытывало генерала на сопротивляемость бардаку. Информации – минимум, одни приказы. Отпуск отставить, дивизию снарядить, опергруппу создать. Из себя одного? Со стороны минобороновских аксакалов – нормальный ход. Но Грачев? Пашка? Ведь столько говна сжевали вместе... Как своему заму хотя бы мог намекнуть: дескать, выдвигаешься туда-то, мочишь-то того-то. Чтобы командующий ВДВ да не знал про «южный вариант»? Или тут какой «северный»? Или еще какой? Знает. Молчит. Ссыт.

Перед уазиком мерно раскачивался крапчатый круп БМД комбата-2. Ровное урчание бронеколонны умиротворяюще дейст-

вовало на Щура. Приказ опергруппе дословно зафиксирован в журнале учета: стянуть три дивизионных полка в Тушино, к Москве. Что еще надо? Ну, конечно, не ясно, *зачем* все это. А зачем вообще *все*? То-то и оно, товарищ генерал...

Вдруг придушенный бубнеж программы «Время» стали забивать звуки улицы: улюлюканье ли, вопли ли...

– Рамадан досрочно? – Комендант Щур мощно вытолкнул себя из кресла, за ним стайей снялись чины пониже.

У телевизора остались, застыв, только армянка-дежурная по райисполкому да девочка-военфельдшер. Кошмарные кадры множило: кружение желтой пыли над развалинами, мечущиеся люди, невесть кем нагороженная груда гробов. Армянский Спитак после землетрясения.

– Обстановка? – бросил Щур вывернувшемуся сбоку заму.

– Сами видите... – малорослый майор привычно зачастил речитатив доклада и вдруг осекся. Растерянно повторил: – Сами видите...

Баку, с которым Щур вроде уже сжился, больше не было. Нависшая над райисполкомом девятиэтажка дрожмя дрожала от восторженного воя жильцов-азербайджанцев. Из окон летели пустые бутылки, плавно отплывали во тьму ало полыхающие газеты, сыпался мусор. А в переулке все кружилась, кружилась, по-вороньи взмахивая руками, старуха в черном. То ли делирий, то ли лезгинка...

– Тварищ генерал, вас шестой вызывает! Тварищ генерал, шестой! Тварищ генера-а-ал...

Гарнитура, как клубок перекаати-поля, прыгала перед глазами. Спросонья Щур запутался в проводах. Водитель-сержант уравновесил на закорючке носа темные очки. Белое августовское солнце низко плыло над приокскими лугами.

– Ты что, КВН репетируешь, Саша? – вдруг зарокотал генерал. – Какая еще КЧПЧ?

Сержант три раза умер, пока не допер, что это Щур грохочет не на него, а в микрофон. Уазик едва не поцеловал задницу передней БМД. Вместе со всеми генерала кулем бросило на лобовое стекло. Но он по-прежнему грозно рокотал – то ли для неведомого Саши на том конце провода (для комдива, что ли?), то ли (но это-то уж зачем?) для сидевших в уазике. «И вправду дела херовые», – вдруг подумал Сашка-сержант, – «раз сам Щур обосрался...»

– Слезай, Щуря, ну слезай же! – мельтешился Кешка, подошвой сандалета влепляя Лехе то по макушке, то по уху.

– Да подожди ты...

Второй хлопок застал разведчиков на полдороги к земле. Кто-то будто палкой ткнул в верхушку тополя, Лехе за шиворот сразу посыпалась колкая труха коры. В прогал между ветвями он в последний раз увидел – и на всю жизнь запомнил – *площадь*: ослепительно-белый на солнце начальственный дом с красным флагом над колоннами, легкую голубую дымку, плывущую со степным ветром вдоль строя солдатиков, ярмарочное коловращение новочеркасского народа, покуда еще недоумевающего...

– Да быстрее же, Щуря, слезай, миленький, ну прошу тебя!

– Щас, Кеш, щас. Да не дрейфь ты. Ну, кто нас тут увидит?

Дворовая топтаная трава как родного приняла Леху – и тут же громыхнул новый залп. От площади пацанов теперь закрывал глухой забор. Но Леха все слышал: и как заблажила женщина, и как вразной редела ребятня, и как всех страшнее – резаным боровом – взвизжал мужичище. А потом защелкали одиночные выстрелы, и все звуки за забором смешались, образуя все разрастающийся не то стон, не то вой.

Кешка спрыгнул прямо в подставленные Лехой руки. Он оказался тяжеленный – не удержать, и разведчики кубарем раскатились по траве. Леха сразу вскочил на четвереньки и наострился дать деру. Но Кешка преспокойно лежал себе под кустиком красной смородины – с закрытыми глазами, будто прикорнул в теньке.

Уже не живой...

«Как война – так братцы, а как мир – так сукины сыны», – сумрачно размышлял Щур. – «Ведь год назад мы все это проходили уже. Сегодня комвожди призвали тебя в Москву «навести порядок», а завтра растреляют, что ты спяну вывел войска против народа. Ну, с вождями-то все ясно – иуды. А ты-то что, так всегда и будешь – *христосик*?»

Москва без ликования встречала освободителей. Советская армия, по наблюдениям Щура, тут и там являла вопиющие образцы бестолковщины. По обочинам шоссе робко, по-деревенски, лепились кучки танков и бронетранспортеров; бледный лейтенантик, торчащий из люка, испуганно косился на пролетающих по направлению к столице ухарей-дальнобойщиков. Зачем тебя пригнали в город? С кем будешь взаимодействовать? Что вообще делать по жизни? Не знаешь? Так на кой же хер ты нужен, такой командир?

– Товарищ командующий? Докладываю: я у въезда на МКАД. Рязанский полк на подходе, костромской аналогично. Решение? Выйти на Тушино, развернуть все связи по полной схеме, принимать полки на себя. А дальше-то что, Паша? Не понял. Понял. Есть.

Продаст. Выйдет что путное, все лавры ему. Не выйдет – все говно мне. Но что ему дадут эти... новые? Замминистром назначат? Подвешат цапку лишнюю? И весь сабантуй?

Так разве наш Пашок на большее претендует? Звезда героя и замминобороны – предел мечтаний. Или они там с Язовым уж меж собой сговорились? Скажем, дед теперь член этого, ГЧПК, а Пашка – министр обороны. Да нет, куда там нашему Пашку... Там, на олимпиах, еще такие динозавры разгуливают – Варенников, Ахромеев. Да и помоложе есть ерои. Тот же Ачалов Владимир Андреич. Или Громов: не навек же «афганца» к ментам.

Хотя теперь-то, наверное, и ментура оживет. Одних тюряг новых понаставить да вертухаев туда на вербовать... За рубежами -то, бывалоча, стадионы запользовали. Ан нет, врете, пиночеты. У советских собственная гордость. Полна, вон, Сибирь лагерей. Там всем место найдется: и дерьмократам, и либерастам.

Уж покуражились над державой... Хуже нет, чем оборзевший шпак. Чего хотят-то – сами ведают ли? За Садовое кольцо хоть раз нос высовывали? Что за зверь колхоз – знают? Ведь распадется Союз – конец всему. Что там армяшка против азера... русский на хохла пойдет. Миллионы народу в землю зароят. Часть – живьем. Вот – ужас...

Врете, гады. Жива армия – жива Россия. А сядем в Кремле – всех рассудим: правда, она себе дорогу пробьет. И уж тогда каждому воздастся: и Горбатову, и Елкину, и нардепам-говорунам, и писакам-засранцам. Всем сестрам по серьгам.

2

– Ось, просыпайся! Переворот! Горбачева свергли!

Скорее схорониться в склеп постели. Не быть. Там, в плавнях полудремы, голУбит покуда материнская утроба. Здесь сквозь жимолость уж брызжет-жжет божок-солнце. Будь! Вставай, гражданин! Так – слово сказано. Но не Бог.

– Янаев – вице, Павлов – премьер, Язов – армия. Горбачев им верил, а они... Ни капли совести у людей!

– Да подожди ты, ма. Мало ли чего... Ничего чего-то не пойму... Откуда ты узнала-то?

– Да по радио. Включила новости послушать, а там... А я им не верю, вот! Вот они сообщают, что Горбачев в Форосе, и что-то у него там со здоровьем не то. Не то... Это они с ним сделали что-то. А ведь он там с семьей отдыхал – с Раисой. Да и не с внучкой ли еще, чего доброго? Она ж ребенок. Ребенка-то – за что? Нет, они не люди – нелюди!

– Ты хоч щекунду помолчишь? – щетка с соленым «Поморин» то так, то эдак распирала рот оратору.

– Да еще Крючков этот, кэгэбист, иуда...

– Все-таки решились! – под ударами руки стержень рукомыльника яростно влетал внутрь по самую пипку. – Не решатся все-таки, я думал. – Вода отскакивала во все стороны ото лба логика. – Нормальных-то мужиков – Шеварднадзе, там, Яковлева – всех разогнал.

А остался-то с кем? Сцена: в третий раз через нардепов пропихивают Янаева в вице-президенты. Зудение зала: «А со здоровьем у вас как?» Прибаутка трибуны: «Жена не жалуется». Постановили: прибаутчик. Пускай побудет.

– Да тихо вы! – выпрыгнула из кухни мать.

Протокины – Ось и его отец – мигом разбежались по углам: старший – в красный, младший – в синий. Дрыгоногих лебедят согнала с экрана тень отца диктора. Схватив полузасохший стержень, Ось пошел рвать в клочья кляклую салфетку.

– Все за них! Правительство, армия, КГБ... – Мать заплакала. – А эти... Тизяков – директора заводов, Стародубцев – председатели колхозов...

– Пореви, пореви. – Отец, не отрываясь, смотрел в экран.

В луче солнца с лугов томительно проворачивалась бронуновская пыль светелки. Ось пробежал каракули на салфетке: *...ввод чрезвычайного положения в отдельных местностях с 16.00 сегодня, 19 августа ...Государственный комитет по чрезвычайному положению*: Бакланов (совет безопасности, что ли?), Крючков (КГБ, понятно), Павлов – премьер, Пуго (милиция?), Стародубцев, Тизяков («военка?»), Язов, Янаев... *решения ГКЧП обязательны для всех органов и граждан.*

– Щас! Все по стойке смирно! И с песней – на вечернюю opravку! – С тарелки второпях Ось соскоблил ошметки каши. – Да они хоть понимают, чего ваще и как? Что Горбачев, к примеру, избранный президент, а? А они – никто? – Вдогонку холодной манке полетел стылый чай «Со слоном». – А перестройка-то ваще была? Или ее не было? Я вот все думаю: *такие* вот – дураки или сволочи? Ей Богу, не дураки...

– Чего вы все прыгаете? Чего вы все прыгаете? – Слезящиеся отцовские глаза все не могли слепить в фокус Ося. – Какие тебе еще дураки-сволочи? Сволочи... Дураки... – От кровати, уперев палку в пол, отец циркулем перешагнул к столу. – Они хотят, чтобы в стране порядок был. Тут тебе националы, там тебе мафия... Хватит! Диктатура? А пусть. Лишь бы – порядок!

– Да, еще бы Сталина, – сквозь слезы порывалась мать. – Он бы тебе показал и вот эту дачу, и пчел твоих, и как яблоками на рынке торговать...

– Сталин – не Сталин, а... Порядок должен быть! ...А ты, – отец сгорбился над столом, вглядываясь пристально в Ося, – выбирай – ка ты слова, пожалуйста. Эти у него сволочи, те у него подлецы... Тоже мне, юноша пылкий...

– Да какой я тебе юноша? – Седьмого чайного слона Осю поставило поперек горла. – Да перед тобой лысый мужик, давно за тридцать, а ты... – Точное определение сбежало от обличителя. – Это ты стал стариком и городишь чушь!

– Вот-вот. Вот так р-р-раз – и гражданская война... – погромыхивала мать грязными тарелками. – Распадаются семьи, и все. Все кончено тогда...

Отцовское спасибо через светелку снайперски летело в Ося, но тот уже сбежал.

– Выхожу один я...

Дорога дугой рассекала сверкающую пойму Москва-реки: на том берегу из-под синих ив нерешительно тыкалась под шпилы недорученного монастыря, а потом – смотришь – уж скользит, ускользает в изумруды огородов на окраине Коломны.

– Ну, вы уж там, в Москве поосторожней, – мать поправила ремень сумки на Осинном плече. – И ты, и твоя Фро...

– Да ладно, ма. То Минин с Пожарским... А то – мы... Две большие разницы.

– Вы вначале все обдумайте там... А уж потом...

– Ты, главное, не волнуйся. Я там посмотрю просто, что к чему... И вернусь – отпуск догуливать...

– Возвращайся, Ось. В любое время... Мы-то с отцом все время здесь. Здесь всегда...

Ось, не глядя, махнул рукой, но, сделав несколько шагов, не стерпел, обернулся. Он чувствовал: она в спину перекрестила его. Она теперь стояла у калитки, под старой корявой вишней, и хоронила от солнца глаза, приставив ладошку. Он снова помахал ей.

– Электричка в десять сорок пять!
– Пока, ма!

Белое, с калач, облачко висело высоко-высоко над пустой дорогой. У заливного золотого озера без пригляду паслись приватные, не колхозные козы. Одна проблеяла робко.

«И их отберут? – Ось поддернул опять поползший с плеча ремень сумки. – А лишние яблони – под топор?» Сызнова все под столоначальников, сызннова – волостной коммунизм на руинах усадеб... Но ведь и руин тех уже нет давно, и пыль их палевую развеяло по свету...

Мучительно было из чрева деревни лезть вовне. Ось снова оглянулся: рыжие, охровые, серые двускатные крыши домиков в садах. Редко где – косая жердь скворешника, давно опустевшего. Позади – своё. Впереди...?

Вглубь капустного поля гуськом вдоль грядок брели понурые солдатики. Последний, малорослый салага, словно беременная баба – живот, тащил охапку пустых мешков. Ни офицера, ни прапорщика при взводе.

Заговорить с дембелем, как бы невзначай, дескать, что да как. Да ты что ли не знаешь ничего? Так – переворот... Два десятка молодых лбов – уже сила. Повести их в центр Коломны, захватить райком (или горком – что у них там?) А если поддержит артучилище? Это уж тысяча курсачей, те же юнкера. А Коломна – райцентр. Целый район Подмосковья – против ГКЧП. Геополитика. Война? Бред...

На мосту через Москва-реку при хибарке с лебедкой мирно покуривали на скамеечке старики-понтонщики. Один – длинноносый, сухопарый; другой – недомерок в кепарике. Из черного рупора на столбе разливалась по-над речкою путчистская радио-трель.

...Эти проблемы требуют дополнительного обсуждения на сессии Верховного совета СССР, а затем и на Съезде народных депутатов страны. Иначе союзный договор не сможет в полной мере выразить заявленную на мартовском референдуме волю советского народа сохранить Союз ССР – великую державу...

– А чё? Теперь вешать надо. – Сухопарый, как складной метр, вдруг разложился во весь рост, зло отщелкнув окуроч в воду. – Да перекладину-то в центре города поставить. Чтoб неповадно было апосля.

...Вы прослушали заявление председателя Верховного совета Анатолия Лукьянова...

«Горбачеву – со студенчества дружан..., – поежился Ось. – А вот предательство – оно в генах сидит или зараза вроде СПИДа?» Вот и индульгенция «чрезвычайщикам». Через пару-тройку дней соберут съезд нардепов. Те против спикера и пикнуть не посмеют. Какая хочешь путчистская блевотина будет – закон... Ай да Лукьянов! Ай да сукин сын!

А этот-то тут что?

Ражий рыбарь высиживал на понтоне неподвижный колокольчик над стяжнем.

– Ну и как она, рыбка-то?

– Да ни хера, грю.

– А ты что, ничего не знаешь?

– А чё?

– Так переворот же в стране! Горбачева свергли. Какой-то, вроде, чрезвычайный комитет прибрал власть...

Доночник точно не слышал Ося. Из рупора у понтонщиков теперь умиротворенно струилась только классика российских композиторов. Сине-зеленая Москва-река, как и тысячи лет, скатывалась рутинно в Оку-реку.

– Что ж ты, – нажимал Ось, – и не слышал ничего?

– Да вон, грю, понтонщики, вроде, анекдоты травят...

– Так и будешь сидеть?

– А чё?

«Что ли правы путчисты? – Точно от чумного, Ось загрохотал к берегу по шербатым доскам моста. – Опять выползет на площадь кучка героев?» И мокрого места от них не останется? Потому как не поддержит народ? А народ-то – кто? Мальчишки-солдаты на барщине? Вешатель-понтонщик? Или вот этот, которому все – один черт? Кого ж ты защищать сватаешься? От кого? Зачем?

3

Из Шереметьева автомобилем без номеров Шитов был доставлен в один из правительственных особняков на Ленинских горах. Едва отдохнув от тягот многочасового перелета, посол раскрыл томик Фомы Кемпийского, братской рукою выложенный на стол в кабинете. Об одном и том же размышлял Шитов всякий раз, когда ему предстояло подняться на новую ступень масонства: о тех новых, поистине безграничных возможностях, которые открывала ему любовь к простому русскому народу, подкрепляемая его положением в ложе. Через неделю после его приезда министр иностранных дел Бесстрастных вошел около полудня в его комнату с

таким же официальным и торжественным видом, с каким недавно награждал его орденом Знак Почета Председатель Президиума Верховного Совета СССР Анатолий Иванович Лукьянов.

— Я приехал к вам с поручением и предложением, Петр Палыч, — сказал министр не сядясь. — Лицо, очень высоко поставленное в нашем братстве, ходатайствовало о том, чтобы почетнейший тридцатый градус был присужден вам ранее срока, и предложило мне быть вашим поручителем. Готовы ли вы принять степень *кадоша* и пройти все связанные с этим испытания?

— Я готов, — твердо проговорил посол.

— В таком случае мы можем ехать, — констатировал Бесстрастных. — Катер ожидает нас внизу.

Переодевшись в синюю форму *речников*, дипломаты сошли в сад, но, против ожиданий, министр повел посла не в аллею, ведущую прямо к Москве-реке, а к лабазам и мастерским, которые унылой грядой тянулись вдоль вливавшейся в Москву-реку худосочной речки Сетуни. Здесь Шитов с каким-то новым для себя интересом стал вглядываться в очертания народного быта: пыльные, сонные по полудни задворки; спящих на обочине драных собак; старика-китайца, безразлично покуривающего опий у дверей фанзы; полусгнившие остовы машин; покосившиеся, а кое-где и прянувшие в прах заборы; мускулистого мастерового, звонко правящего на наковальне ржавый гвоздь...

— Любой из этих людей может оказаться шпионом, — усилил его подозрения Бесстрастных. — Однако мы пришли.

В укромном месте, под старою ветлой к берегу Сетуни была причалена лодка. Шитов сел на весла и, плеснув в каждую уключину по пригоршне воды, сделал мощный гребок. Суденышко тотчас же стало цеплять килем торчавшие из дна обрезки проволоки и негодные автомобильные покрышки. Преодолевая пенистый порог, путешествующие несчастливо наскочили на камни: течение стало тут же разворачивать лодку, заваливая ее на бок, и боровшийся с рулем легкокостный Бесстрастных едва не был опрокинут в воду. Дело спасли двое дюжих *рабочих*, которые, доселе флегматически посиживая на берегу, споро засучили штаны и, как пушинку, столкнули суденышко с рифа.

— Помогай вам Господь, — пожелал один из них, прощально махая крепкой рукою.

В устье Сетуни стоял на якоре небольшой *паровой* катер, из середины которого торчала черная труба. Утробно рокоча мощным дизелем и лишь для виду пуская из трубы серые дымки, он в четверть часа домчал дипломатов под Кремлевские звезды.

Створки разошлись: катер вошел в просторный, пахнувший сыростью грот, и дальше путешествие продолжалось по тайному тоннелю Неглинки, причудливо извивавшемуся, как представлялось Шитову, под Александровским садом. Снова и снова его поражало сходство этой подпольной Венеции с ее итальянским прототипом. Неярко подсвеченные строения здесь были красного кирпича, со стрельчатыми окнами; через каналы кое-где перекинута были горбатые мостики; на площади сиротливо торчала бездействующая, вероятно, с андроповской поры дыба; скучал на углу детинушка-дворник, добродушно потыкивающий метлою увертливую дворняжку.

– Теперь недолго, – заметил Бесстрастных.

Сошедши с катера перед фасадом большого дома, где было помещение ложи, и пройдя по темной лестнице, они вошли в освещенную небольшую прихожую.

– Искренне рад вас видеть в добром здравии и философском расположении духа, Петр Палыч, – без тени улыбки объявил подлинный Бесстрастных, выступая из-за обвешанной кафтанам и шинелями вешалки. Шитов лишь подивился тому, сколь неприметно исчез двойник министра.

Бесстрастных велел послу снять фуражку Речфлота – тот беспрекословно повиновался. Кто-то подошел к Шитову сзади и туго, так, что перед его взором прянули синие звезды, завязал глаза шелковым шарфом. Масоны отправились.

Проведенный Бесстрастных по бесчисленным помещениям и лестницам, посол обнаружил себя в совершенно неосвещенной зале. Повязку с него сняли, но на глаза со всех сторон продолжала давить темнота. Человеку не робкого десятка, Шитову однако же стало не по себе: страшная высота степени кадоша предполагала и страшные же испытания для *ищущего*. Одному Богу было ведомо, что могло теперь явиться послу из непроницаемой тьмы глубочайшего подземелья, где бесстрастный поручитель оставил его в одиночестве.

Негромко ударили где-то настенные часы: пробило шесть пополудни, хотя по разумению Шитова никак не могло быть более трех.

Постепенно слева от себя он различил в полумраке мумию Ленина, а справа – деревянную фигуру Бафомета. Искусно сохраненная и расположенная вертикально, мумия давала почти полную иллюзию присутствия в зале самого основоположника СССР. Доселе Шитов видел ее лишь в мавзолее. Появление Ленина сообщало предстоящему действу совершенно новый,

волнующий смысл. Бафомет же, напротив, мало впечатлил посла. Он уже видел идола при получении своей нынешней, двадцать девятой степени, и теперь его рогатая голова и женские груди возбуждали скорее род любопытства, нежели страха.

Дверь открылась – вошел ритор.

Шитов тотчас же узнал в риторе старичка Кагановича, уж в который раз простодушно подивившись тому, что человек этот все еще жив. Каганович долго всматривался в темноту, но, видимо, старческие глаза положительно отказывали явить ему что-либо внятное. Неуверенно, шаркающей походкой прошел он по зале и уселся в кожаное кресло, дрожащей рукою разглаживая на коленях клеенчатый черный фартук. Сделалась пауза.

– Для чего вы пришли сюда? – раздался шепот откуда-то сбоку.

Шитов отчетливо слышал суфлера, но не знал, следует ли уже отвечать. Он стоял перед креслом ритора, неуверенно теребя пальцами обшлага клоунского речфлотовского кителя.

– Для чего вы пришли сюда? – спросил, наконец, Каганович.

– Я хочу обновления, – четко проговорил Шитов.

– Имеете ли вы понятие о средствах... – зашептал невидимый суфлер.

– Имеете ли вы понятие о средствах, которыми наш святой орден поможет вам в достижении цели? – спросил Каганович.

– Эти средства...

– Ну, средства-то, положим, дело десятое, – вдруг перебил испытуемого старый нарком. – А вот скажите-ка, дорогой товарищ, что есть бог?

– Бог есть чудовище, – отчеканил Шитов. – Он изгнал человека из рая, лишает его свободы и предаст мукам смерти.

Ленин удовлетворенно крякнул, Каганович сохранил молчание.

– Хотя сейчас бог господствует, – продолжал ободренный посол, – будущее принадлежит не ему, а Тому, Который всегда стремится на помощь человечеству – Ангелу Света Люциферу. Нам неведомо, когда настанет час Его торжества, но чем больше воинов света соберет наше братство, тем скорее это случится.

Чья-то рука протянулась из тьмы и потеряла Кагановича за плечо.

– Если ваши принципы столь тверды, – проснулся старичок, – я должен приступить к введению вас...

Подойдя к креслу ритора, Шитов заметил подле него на низеньком столике откупоренный графин с темной жидкостью и два наполненных бокала. «Кровь?» – обеспокоился посол.

– Киндзмараули, – с неожиданным добродушием пояснил Каганович, – любимое вино Кобы. А *он*, – старичок многозначительно указал на мумию, – вина не любил.

Почтительно последовав взглядом за рукою риторы, Шитов успел заметить, как другая его рука на миг задержалась над одним из бокалов, и из тяжелого перстня с головою Адама в темное вино просыпалась струйка белого порошка.

– За братство! – сказал Каганович и протянул руку к бокалам, но, видимо, забыв, который из них чист, несколько замешкался.

– Вот этот, Лазарь Моисеевич, – растроганно подсказал посол, и они выпили.

Снадобье тотчас начало оказывать воздействие на Шитова: тело его сохраняло крепость; в голову же будто накурили дыму. Он ни на минуту не был уверен, наяву или во сне творится с ним все происходящее.

Каганович подвел его к высокой стрельчатой двери и нарочито кашлянул, но тот час же по-стариковски закашлялся, из-за чего они не сразу услышали за дверью стук масонских молотков и скрип циркулей, означавшие, что им позволено войти.

Вошедши, Шитов увидел перед собою покрытый черным треугольный стол, за которым сидели тринадцать членов Совета, все в клеенчатых черных фартуках и черных же полумасках. На председательском месте сидел длинноволосый молодой блондин, в котором посол, хотя и не сразу, узнал дамского парикмахера Птицина, именуемого в салонах стилистом. По правую руку от магистра сидела маска, в которой без труда угадывался всемогущий Фуше перестройки, председатель КГБ Крючков. Еще были тут видный демократический экономист-грек, профсоюзный лидер Просолов, германский предприниматель-газовик, вышибала знаменитой *академии* (биллиардной в парке имени Горького) Мишка Чума и несколько еще масок, не узнанных Шитовым. Все торжественно молчали, слушая Председателя. В стену была вделана горящая звезда.

– В подтверждение верности клятве вам, как бы, не на словах, а на деле предстоит теперь проявить, как бы, мужество и силу воли, – проговорил Великий Мастер.

– Я готов, – механически подчинился посол.

– Пункт один, – вкрадчиво вступил немец. – Я полагаю, вам известно, что главный опасность для Советский Союз сегодня – это пгезидент Госсии Ельцин. Он хошет распада Советский Союз, что подогвет мощь огдена и со отсгочит тгиумф *наш* господь – Ангель Света. Ви это понимаете?

– Так точно, – склонил голову Шитов.

– Gut. Пункт два. Ельцин не победит, если не имеет агмия. Но Ельцин имеет вице-пгезидент, полковник Гуцкой, который может... – несколько замешкавшись, тевтон посмотрел в блокнот и продолжал, – который может пе-ге-ма-нить часть агмия на сторону Госсия. Das ist clar?

– Ja, – вскинулся Шитов.

– Пункте drei! – с особой значительностью провозгласил докладчик. – По гешению Совета, ваше доказательство вегности Люцифер будет казнь полковник Гуцкой, котогый бил нашим богатом, а тепегь есть пленник огдена. Вы должны свегшить пгавосудие над пгезгенным пгедателем.

Шитову завязали глаза ту же прежнего, и чья-то властная рука вывела его прочь из залы Совета. Они долго шли узким коридором: шеврон речфлотовского кителя, бывшего на Шитове, то и дело корябал шершавую стену. В затуманенном мозгу поплыли картины многочисленных прежних испытаний: шпаги, направленные в грудь ему; уродливая деревянная кукла, в которую вонзает он кинжал...

– Протяните руки вперед, ладонями вверх, – был ему голос откуда-то сбоку.

На правой ладони Шитов тотчас же ощутил резную деревянную рукоять, а на левой – холодный булат клинка. Он покачулся: его поддерживали. Он до боли в пальцах сжал рукоять кинжала и изготовился нанести смертельный удар.

– Приложите руку к сердцу изменника, – раздался тот же голос.

Кто-то твердо перехватил свободную левую руку посла и прижал ее ладонью к теплomu живому телу, в котором быстро стучало сердце. От этого прикосновения пленник вздрогнул и сдавленно застонал: отчетливо различалось, что рот его заткнут кляпом.

– Да свершится правосудие! – сказали хором сразу несколько мужских голосов вокруг него.

...

Повязку сдернули: из узкой прорези в обритом боку барана, накрепко прикрученного к высокой скамье, струею била кровь. Масон, изображавший стоны Руцкого (это был лично знакомый Шитову актер МХАТа в ранге *народного*), немедленно отступил за спины братьев. Баран еще конвульсивно дергался в путах. Лужа крови на кафеле уже начала растекаться в разные стороны, и кто-то из членов Совета уже наступил в нее, оставив после себя цепочку кровавых следов.

– Одним ударом, товарищи! – восхищенно заключил некто, по выправке – военврач.

Все поздравляли Шитова, по-братски сдержанно обнимались с ним, скользили холодным шелком полумасок по разгоряченному его лицу, избегали встречаться взглядом с испытуемым. По всему чувствовалось: что-то важное, ради чего, по-видимому, и состоялось затянувшееся действие, еще не произошло, но вот-вот произойдет.

– Поздравляю вас, брат, с присуждением вам, как бы, тридцатого градуса масонства, – церемонно произнес присутствующий здесь же Птицин, Великий Мастер. – Начиная с сегодняшнего дня вы, как бы, кадош, *совершенный*.

– Я клянусь... – начал было Шитов.

– Для осуществления казни настоящего Руцкого, изменника и клятвопреступника, – тихо указала маска Фуше-Крючкова, – вам отводится ровно месяц. То есть, не позднее 15 августа сего года при Ельцине должен начать работать наш сотрудник и вольный каменщик – Руцкой-2.

– Тирания падет... – потерянно зажевал посол.

– Будь готов! – взыскующе заглянул ему в глаза Мишка Чума.

– Всегда готов! – твердо отвечал Шитов.

4

У Щура возникло ощущение «боя с тенью». Что означает *выдвинуться к Верховному Совету РСФСР? Войти в контакт с начальником охраны? Организовать охрану и оборону здания силами 2-го батальона Рязанского полка? Кто противник? Кто наши?* Генерал раз за разом проговаривал про себя слова приказа, спущенного ему в Тушино, но они так и оставались мертвым набором слов.

То есть уяснить поставленную задачу не получалось. Как же тогда оценить обстановку, товарищ генерал? Принять решение? Протчее, товарищи офицеры?

Вследствие вышеуказанного – все через пень-колоду. Ни снаружи, ни внутри Белого дома Щуру целый час не могли сказать, кто начальник охраны. Наконец, подвели к полковнику милиции, но у того все не получалось унять тремор в руках. «В вашем *камуфляже*, – выдавил, слава Богу, – ехали бы вы отсюда, товарищ генерал». А Паше, чтоб ему пусто, все божья роса: «пошли полковника на хер и ищи батальон». Точно как в сказке:

пойди туда, не знаю, куда. Сделай то, не знаю, что. Сказочники, мать их...

Водитель уазика, Сашка-сержант кожей осязал ярость генерала и по опыту знал, кого в такой ситуации назначат стрелочником. Но выхода не было. Куда ни сунешься – везде урны, палки, проволока. «Баррикады», блядь. Видела бы эта интеллигенция настоящие баррикады, как в Вильнюсе. А уж от «козла»-то сигают – прямо в лужу. А если танк?

– Правее держи, сержант, – зарычал Щур, – правее!

– Есть, тварищ рал. На лестницу?!

– Вперед!

– Есть.

Уазик впритирку, визжа бампером по гранитному парапету, вклинился в расщелину, оставленную с краю баррикады, как видно, для самих баррикадников. Те замахали руками, заулюлюкали, а какой-то в тельняшке еще и пнул «козла» под корму. Водитель сгоряча газанул, но машина, как бешеная, стала подпрыгивать на ступеньках, и он тут же вынужден был сбросить обороты. Уазик кое-как доскакал до конца лестницы, и потом еще какое-то время потерянно катился вдоль набережной.

– Теперь давай направо. Переулок видишь?

– Так точно, тварищ рал.

– Теперь к тротуару. И протри стекла. Самому, небось, противно?

– Так точно.

За первым же углом город уже был как город: редкие прохожие под зонтиками, две-три мокрые машины у тротуара. Водитель осмотрел глубокие, до металла, свежие шрамы на бампере, словно извиняясь, погладил металл ладонью. Потом осторожно увлажнил в грязной луже тряпку и стал стирать плевки со стекла.

...Первая, до всех баррикад еще, цепочка защитников Белого дома вдруг снова ожила в щуровой памяти. Чего-то ведь они в тот момент за ручки хватались, ждали чего-то. Это им кто-то сказал: будет танковая атака. Латать – не за что хватать: панк-вшивота, полоумная бабка-ельцинистка, инженеришко с «дипломатиком»...

Ну, и *та*: залпом черные кудели, стрела-талья и вокруг лодыжки – черный ремешок... Он – совсем еще не старый, популярный генерал, любой норматив физпо выполняющий лучше рядового молодца-десантника. Она – злюка, москвичка, интеллигентка.

И?..

– Рязанцы!

– Вижу.

Сидящий позади старлей-связист заметил десантников ровно на секунду раньше генерала. Щур поморщился.

– Рули к батальону, – запоздало приказал водителю.

– Есть.

Чего только не было в этот час на Калининском проспекте! Окруженные со всех сторон народом прибудные БТРы (у одного в стволе пулемета – белая гвоздика), развернутые поперек проспекта троллейбусы и груды досок, выволоченных, как видно, с какой-то стройки, да так и брошенных на полдороги. И везде – люди, люди, люди – смеются, суют солдатам банки сгущенки, плачут, чуть не в драку лезут на оробевшего кавторанга...

К родной десантуре генеральский уазик продирался как сквозь джунгли. Рязанцы притулились на погосте столичного долгостроя, в грудах мусора и зарослях лебеды. Построенных ротами ребят с четырех сторон прикрывали ровные шеренги БМД. Но ядовитое бардачное море уже захлестывало и этот, единственный в округе, островок порядка. Здесь москвичи невзначай разговорили механика-водителя, там не ровен час докричатся до ротного. Вот-вот забродит сусло. Только пива из него не выйдет. Слякоть одна – с привкусом крови...

– Товарищ генерал, наконец-то!

– А где тут у вас лобное место?

– Виноват?

– Да вот тут и образуем.

Генерал поднялся на бетонный блок – к трибуне отовсюду потянулись слушатели.

– Товарищи! – Щур поискал глазами *злюку*, но не нашел.

– Майор! – визгливо, по-женски. – Неужели вы будете в нас стрелять?

– Да он не майор, – насмешливо. – Он *генерал*-майор.

Меня линчевать собираются, а я, сука, о бабах. По месту прописки твоя злюка. Мужу-доценту дает.

– Генерал! Вы помните, чему присягали?

– Товарищи! – раскатил Щур во всю грудь. Ясно одно: надо кратко и четко. Размажешь – заткнут. Тут же найдутся и златоусты из толпы. Тогда пиши пропало: батальон потерян, приказ не выполнен. Секир башка тыбе, командыр...

– И повторяю, – закончил Щур, – десантники прибыли для взятия под охрану Верховного Совета РСФСР. Пока обстановка неясная – куда, что... Но задача уточняется. А если кто забыл...